

«И бездна нам обнажена...»

Московские новости. — 1998. — 20 декабря. — с. 15.

О НОВЫХ СТРАХАХ

Думая о будущем, обычно представляют себе одну (западную) цивилизацию. Между тем я убежден, что XXI век не сотрет отличий стран Ислама, Дальнего Востока, Индии. В каждом из культурных миров могут быть свои тревоги. Сегодня в странах ислама очень силен страх перед новизной и ересью, идущими с Запада, перед разрушением вековой иерархии ценностей, перед потерей смысла жизни, связанного с этими ценностями. Очень вероятны новые экстремистские движения и взаимные страхи цивилизаций, связанных внешне (самолетами, телевидением) и трудно совместимых внутренне. Могут нарастать такие страхи и в «каноническом пространстве православия». Страх Антихриста, страх светопреставления может толкнуть к самым неожиданным формам изуверства.

В западном и вестернизированном мире, вдобавок к затерянности отдельного человека в лабиринте цивилизации, новым источником страха может быть воображаемая реальность, созданная телевидением, или даже перегрузка информацией в Интернете. Однако в чувстве страха человек иногда постигает свою связь с бесконечным. Начало премудрости — страх Божий — учит Библия. Я понимаю это как страх перед бесконечной силой, превосходящей ум.

О НАУКЕ И ВЕРЕ В БОГА

Научные открытия, новые факты, совершенствование логики — это одно, а чувство Целого — совершенно другое. Они могут сталкиваться, могут уживаться вместе. Паскаль был великим ученым и страстно верующим католиком. Он понимал, что Птолемея астрономия рухнула и нет твердого неба, на котором утвержден престол Бога, с Сыном одесную Отца. Но эти образы остались для него как символы, за которыми скрывается реальность Священного, не доступная уму. Наука принесла вопрос о месте человека в бесконечности — и не дала ответа. Ответом могла быть вера в Бога, объемлющего пространство, время и человеческий разум.

Страх космической бездны, раскрывшейся после Коперника, пережили, вслед за Паскалем, многие, в том числе Тютчев, разбудивший этот страх во мне. Я сосредоточился на абсурдном вопросе, который сам себе поставил: если бесконечность (пространства, времени и материи) есть, то меня нет (единица, деленная на бесконечность, равна нулю; и все земное равно нулю). Но если я есть (и все человеческое имеет вечную ценность), то бесконечности (дурной бесконечности, как выразился бы Гегель) нет. После трех месяцев изучения вопроса, не имевшего рационального ответа, — почти не замечая Большого Террора (дело было в 1938 г.), — я вдруг при вспышке внутреннего света увидел некоторые идеи, с которых начался мой долгий путь к пониманию Священного. Никакие научные открытия не в состоянии были мне помешать.

Я думаю, они и в будущем не помешают. Научные открытия разрушают буквальное понимание религиозной образности, но не могут отнять силу у метафор и просто не затрагивают негативного описания Священного. У Достоевского в разговоре князя Мышкина с Рогожиным князь объясняет: атеисты не про то говорят, никак не раскрывая смысл того.

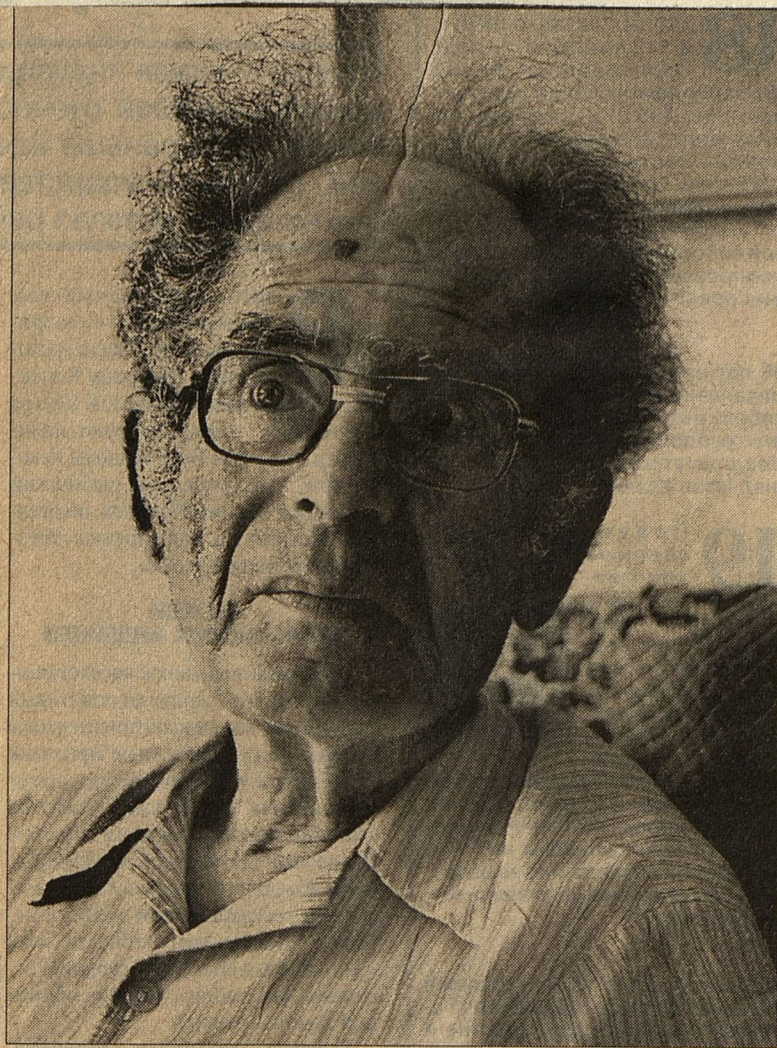
О РАЗНЫХ ЧАСАХ

Герцен когда-то написал, что XIX век — только сверху. Чуть пониже — XIV, а дальше — готтентоты и кафры различных оттенков кожи. Эту многослойность (прошлого, настоящего и будущего) все время надо иметь в виду. Отдельные люди, отдельные страны живут как бы по разным часам. Иногда Бог — по выражению Ганди — приходит в форме хлеба. Для голодного раем кажется общая умеренная сытость. Тогда марксизм оживает и возможны новые попытки построить общество, в котором все трудятся по способностям и получают по потребностям. Хотя потребности растут скорее, чем возможности удовлетворить их, а способности — вещь туманная и неуловимая. Каждый актер убежден, что он способен сыграть Гамлета, никто не удовлетворится ролью второго могильщика; и муки от невозможности реализовать свои способности (действительные или мнимые) всегда будут препятствовать всеобщему счастью. Интереснее другая мысль Маркса, из третьего тома «Капитала», о бесконечном развитии богатства человеческой природы как самоцели. В юности я поверил, что все богатство человеческой природы принадлежит Добру. Сейчас я вижу перед собой Ставрогина, одиноково развившего свои способности к добру и злу... Мне кажется, что без оглядки на Бога человеку трудно оставаться человеком и атеистический гуманизм очень неустойчив; но он и сегодня возможен и в будущем вряд ли исчезнет.

О ВОЗМОЖНОСТИ КАТАСТРОФ

Мне очень жаль писать это, но по крайней мере в начале XXI века самая опасная страна — Россия. И для катастрофы вовсе не обязательны крупные злодеи с демонической волей Сталина, с одержимостью Гитлера. Достаточно мелкого беса — но с запасом ядерных боеголовок, накопленных при сонных правлениях Брежнева и Черненко. А бесы кишат вокруг.

Впрочем, опасные зоны — всюду. Стабильность мира может быть нарушена ростом могущества Китая, мусульманским экстремизмом. Опасен и Запад: именно он — главный разрушитель биосферы. Опасно западное телевидение, последствия которого Карл Поппер сравнил с влиянием отца-алкоголика на семью. Опасна неожиданность новых открытий (безобидных революций не бывает; в том числе и революции в науке и технике неизбежны); я не могу понять, какие опасности несет

ОЛЕГ ПАСКОВ

“Творческое меньшинство никогда не станет большинством; но его усилий пока хватало, чтобы люди не уничтожили друг друга”

Интернет, но не сомневаюсь, что и он что-то сдвигает и разрушает. Всякое развитие опасно. И застой особенно опасен: за ним непременно следует катастрофа.

О СКУКЕ

Я не верю в розовое будущее. Постоянно растет население, производительные силы, рационализация отношений человека с природой, дифференциация общества, дифференциация наук. Но производительные силы — одновременно разрушительные силы. Рационализация сушит отношения с миром, превращает храм в мастерскую. Дифференциация затрудняет подход к Целому, социальные системы становятся все сложнее, а чем система сложнее, тем больше вероятность кризисов и катастроф. Мы не соскучимся. Впрочем, уже сейчас не соскучаемся.

Скука — признак вялой жизни, оторванной от целостности бытия, потерявшей смысл, не познавшей свою внутреннюю бесконечность. Сама тоска по бесконечности уже смысляет скуку. Я это понял в юности, зачитываясь стихами Тютчева, казалось бы, совсем не способными развлечь: «...Настала ночь; / Пришла — и, с мира рокового / Ткань благодатную покрова / Сорвав, отбрасывает прочь...

И бездна нам обнажена / Своими страхами и мглами, / И нет преград меж ей и нами...» Потом я нашел то же в музыке Баха. Сперва страшно, больно, потом раскрываются крылья. Наконец, Антоний Сурожский открыл мне то, что он называет «измерением молитвы». Внешний покой, при котором поверхностный человек начинает скучать, очень благоприятен для путешествий в глубь души. Не думаю, чтобы этот путь был закрыт в XXI или хотя в XXXI веке.

О КРИЗИСЕ ДЕМОКРАТИИ

Одна из возможностей не скучать — кризисы демократии. Чистая демократия — какой она была в Афинах — неустойчива, легко превращается в охлократию (господство черни) и не выдерживает испытаний. Живучая система невозможна без института чрезвычайных полномочий. Устойчивость Рима была основана на сочетании демократии народных собраний, олигархии сената — и диктатуры, в древнейшем понимании слова, то есть чрезвычайных полномочий на шесть месяцев с последующим отчетом. В Соединенных Штатах демократия конгресса сочетается с олигархией верховного суда и очень большими полномочиями президента. Франция в пору алжирского кризиса не обошлась без усиления власти президента. Какие-то будущие кризисы могут потребовать чрезвычайных, диктаторских полномочий. Например, если экологический кризис заставит перейти от сладкой жизни к аскезе. Вполне возможно, что парламенты с этой задачей не справятся.

Что касается нравственных норм, то они сохраняются при любом режиме. Они долговечны и подчиняются, помоему, только одному закону: роста задач. Другое дело, что увеличивается и разрыв между нормой и действительностью. Средний христианин вряд ли может похвастаться, что он превзошел

Ветхий Завет. Вместе с ростом сложности жизни растет запутанность, раздражительность: чем больше стрессов, тем больше срывов. Это особенно верно для нашей страны. Одна из проблем XXI века — приблизить ритм городской жизни к ритму природы. Человек — не робот, и его способности приспособиться к миру техники безграничны. Очень многое здесь зависит и от отдельного человека, от его воли к внутренней тишине и гармонии.

О НЕПОЗНАННОМ

Все частные проблемы в принципе разрешимы. Но каждая решенная проблема создает две новые, и общая запутанность в лабиринте научной цивилизации увеличивается, а не уменьшается. Вопрос, поставленный Паскалем в XVII в., — что значит человек в бесконечности, — до сих пор не устарел и вряд ли когда-нибудь устареет. Не устареет и перевод того же вопроса на язык религии: что значит человек перед лицом вечности. Впрочем, и в XVII в., и сегодня многие люди не сознавали, не сознают и не будут в XXI в. сознавать все это. Они прекрасно (как им кажется) проживут жизнь без метафизики... Пока крылья стрекозы, порхающей на солнышке, не начнут домать холод старости.

О МУЖЧИНЕ И ЖЕНЩИНЕ

Я думаю, что нынешнее поветрие — уход от роковых вопросов, жить полечче — не завершение истории. В прошлом уже был Александрийский период, с его поисками гармонии поверх трагических глубин, не уходя с уютной, рациональной поверхности. За ясным вечером античности пришла христианская ночь, открытая безднам вечного спасения и вечной гибели. И за легкомысленным роково романтики снова почувствовали глубокую серьезность любви.

Что касается ранних браков, то это один из способов легкой жизни, без напряжения, которое вызывает сдержанное половое чувство. Между тем личность созревает все медленнее, намного позднее, чем появились вторичные половые признаки. И сближение двух незрелых существ, скорее всего, приведет к страданиям и к разрыву. Только немногие счастливицы будут расти вместе, станут одной молекулой. По большей части атомы разбегутся и еще острее почувствуют одиночество. И только иногда одиночество, терпеливо выстраданное, даст духовную зрелость. Гораздо чаще жажда немедленного наслаждения толкает колотиться; наркомания — одна из проблем, с которой XX век не справился и передал в наследство XXI.

ОБ ИЕРАРХИЯХ

«Есть ценностей незыблемая шкала», но у каждого она формируется по своему, и даже у одного и того же человека, в разном возрасте, — не совсем одна и та же. Меняются акценты. Индийцы в древности признавали три всеобщие ценности: охарлиз (долг), арту (богатство, власть) и каму (наслаждение). Потом (уже после Будды) индуизм признал еще одну, высшую, четвертую — мокшу (внутреннюю свободу духа, достигшего слитности с божественно целым). Можно ли придумать еще что-то? Скорее всего, остальные — оттенки. Но что делать, если вдруг исчезают и богатство, и власть, и возможности наслаждений?

ДОСЬЕ «МН»

Григорий Соломонович Померанец родился в 1918 г. Участник Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. Узник ГУЛАГа в 1949 – 1953 гг. Автор исследований по истории русской культуры XIX – XX вв. и Востока, философии, культурологии, религии. С конца 50-х годов он руководитель и лектор неформальных научных кружков, публицист «самиздата» и «тамиздата». Большая часть его книг вышла за границей. Российскому читателю стал широко известен в последние годы.